

Коротков Владимир Иванович

Запис інтерв'ю: м. Шостка 20 вересня 2010 р.

Інтерв'юер: Наталія Кондратцева

Оператор: Микола Парамонов

Присутні: дружина Валентина Євгенівна і син Сергій Володимирович

Транскрипт: Тетяна Безстрочна

-Коротков Владимир Иванович. Так. Записано? *Коли и Де Ви народились?* Народився я в Черниговской области, Чайкинский сельсовет. Село Осов. Там родился, батько был, закончил гражданскую. Жил у маленьком домике, а жили мы у деда, Короткова Егора. После того, значит, батя был секретарем сельсовета, потом он переехал в Шостку и нас перевез. Мы прибыли в Шостку. У 31 году. С 31 года я уже учился в школе и кончил, когда началась война. Школа №, сейчас угловая, на Депутатской, номер 2. Тогда была номер 1. И что? И мы кончали школу и решили после школы мы поиграть. И я играл в футбол и сломал ногу. И в гипсе попал в оккупацию.

Пришла немецкая власть, немецкие фашисты зашли в Шостку, зашли, они в августе месяце, 17-го числа, кажется. 17-го, в августе. И потом, ага, 42-го года. Уже в 42 году нас, юношей, всех ребят, по Урицкой, и других, хватали на поезд, и в Германию. И я прибыл в Германию, сейчас скажу. 7 (думает), после уже мая... Июня, 7 июня.

Мы не знали, не знали, куда нас везут. Под охраной нас везут. А везли товарняками, под охраной. Вагоны были забитые. Везла какая-то немецкая служба, какая не знаю. И привезли нас в Штайберг, в Либенау. Всех нас определили в лагерь. Оказались в этом в лагере люди из трех областей Украины: Каменец-Подольской, Крымской, и нашей – Сумской. Сначала мы прошли карантины, проверки, и мытье в бане. А потом был опрос, кто что может делать. А я говорю: я школьник, ученик 10-го класса. И меня отправили на завод. Нас построили, и повели строем, на завод, окруженный железной оградой.

Сколько мне было лет?

Я родился 26 декабря 1922 года, мне было почти 18 лет. Я уже допризывником был, но в связи с тем, что у меня была сломанная нога, меня освободили от призыва. А тут и фашистская оккупация. Вот я так и попал, как «допризывник». Я сильно переживал за то, что я не попал в нашу армию. И пришлось мне все время вести борьбу. Один мастер был австриец, а другой – бельгиец. Они нас заставляли работать. Один был худенький, а бельгиец был полнее. Они издевались над нами постоянно. И я решил вредить. Стал взрывать пресс, где порох делают. Один пресс я крутил до тех пор, пока лента не стала черной, и тогда все взорвалось. Мастера налетели на меня и стали бить, били чем попало, и палками, и ногами. Но, пришла какая-то немка и сказала: «Хватит. Он еще ж, наверное, нужен». И они ушли. Я очухался, и увидел, что и напарника моего побили. Он был из Крыма, не помню его фамилию. Мы стали слабыми после побоев, и нас обоих отстранили от работы.

А дня через три, когда оклемался от побоев, я приходил на завод уборкой заниматься. Потом опять меня на пресс поставили, так как людей не хватало. Но предупредили меня, что б я «гут арбайт», иначе «шляген», «шляген». Я понял, что это дело опасное. А надо же вредить. Почему? Что ж я против своих порох буду делать?! Меня это мучило, здорово мучило. Я уже не мог баланду эту есть, эту воду, юшку эту с жуками. Там шкарлупки были жуков плавали остатки мертвых жуков каких-то, и еще что попало... Нам этой баланды давали один литр на сутки, и примерно грамм 300 хлеба (кусок). А хлеб был какой-то смешанный, не чисто мучной, а со всякими примесями.. Это мы потом узнали, что в этом хлебе было все что хочешь, и дерево и все...грязные примеси. И, вы знаете, после такого питания, мы сразу стали слабеть, слабеть, а некоторые даже не могли уже ходить. А я после побоев, так вообще, еле «дыбал».

Так вот, что было со вторым прессом. Я не мог работать. А на одном из прессов работал парень из другого района нашей области. Рабочих часто меняли местами, в том числе и меня. Вот, однажды перед сменой я кинул расческу между вальцы. И Получился опять взрыв. Таким образом, я и вторые вальцы взорвал. Меня тогда сильно избили, и

поставили на учет. И нас собрали 25 человек, и начальник лагеря сказал: «25 на 25» (*пытается сказать на немецком*). Это значило: каждому по 25 ударов резиновой палкой.

Мы не работали. Просто увиливали. А они решили нас наказать: 25 ударов резиновой палкой. Нас загнали в баню и дали туда горячую-горячую воду. А потом ледяную, на голые тела. раздели нас догола. Загоняли нас полицаи наши были. были власовцы из военнопленных, 5 человек: Николай, Иван, Федор, Ефим.. И были из западной Украины. Возглавлял их переводчик, вроде серб, он знал русский язык. И сказал он нам: «Вы будете уничтожены, если не будете работать».

Когда нас обдали водой полицаи притащили скамейку длинную, крепкую, на болтиках, деревянная. Мы ж там гнулись – горячей вода и холодная – мы обпаленные были, мы кричали всякие слова, бунтовали. Лагерфюрер заходит в фашистской форме. Это начальник лагеря. Фамилия его была как-то.. Регенольд.. что-ли. Как-то так.

Полицай нашего барака Зубченко, через переводчика, указал на меня вошедшему. Тогда Зубченко вытягивает меня из толпы, растягивают вдвоем меня на этой скамейке вдоль, один садится мне на вытянутые руки и держит за голову, а второй на ноги, и сам «лагерь-фюрер», закачивает рукава своего фашистского мундира и резиновой палкой меня бьет, 25 ударов. Несколько ударов я помню, а потом потерял сознание. В бессознательном состоянии меня выбросили в предбанник, и лежал я там не знаю сколько. Перебил мне четвертый и пятый позвонок. Он остался у меня потом уже в памяти. Потом ребята натянули на меня кое-как одежду, и оттянули, отнесли в барак, я не помню. А оттуда - в изолятор, где оказались почти все битые. Два человека сразу умерли – Коваленко с Локоток и один с Каменец-Подольской области. Два - сразу. А все остальные были контуженые. Ну, 25 резиновой палкой... по голому телу... Спина вся окровавленная, в ранах. И запомнил я этого «лагерь-фюрера» на всю жизнь. И что вы думаете? Я пролежал не знаю сколько, лежал и ждал конца. Я не помню, чи я ел я что-нибудь, чи пил. Чем-то ребята мне помогали. Многих с изолятора вывозили мертвыми. И я, когда приходил в память, думал: «Конец!».

А тут прибыл какой-то старый немец. Оказывается, им не хватало рабочих на главном верстате. Наших пленных куда-то забрали, на другие работы, а вместо них нужны были специалисты по механической части: токаря, слесаря. Этот немец оказался мастером, и он обошел и осмотрел всех нас, где мы уже ждали смерти. Сказал своим, что б нас подкормили. Нам дали немного поесть супчику какого-то. Начали уже подкармливать. А до этого что мы ели: кто-то из наших оторвет от себя кусочек хлеба и принесет нам. Я подробностей уже не помню.. Я и тогда не помнил. Меня тогда ребята довели на какой-то коляске до механического завода, централь-веркштат назывался. Завод был рядом, метров 500

примерно было от изолятора до ограды завода. И этот мастер проверял нас, кто что может делать. Каждого вызывал. Я умел слесарничать, велосипеды ремонтировал. Ну и автомобиль я знал, как им управлять. Но я не говорил этого.

Меня поставили учеником на фрезерный станок, к чеху. Ян Добрыцкий его звали. Он был хороший мужик, такой честный, сильно демократичный, ненавидел фашистов, и сам был на учете у немцев. Он узнал за что меня били.. Да, он принес мне поесть, а я даже присесть не могу. И тогда я поднял свою рубашку и показал ему свою спину: все в крови, а не лечилось, не заживающие гнойные раны. Ян Добрыцкий вкрикнул: «Цо то швабы наробы!...» И сразу же побежал куда-то, принес мазь какую-то, вроде бы йод с чем-то еще. Намазал меня, и прилепил повязку. А тут как раз обед, и он побежал на обед, и в баночке из-под какого-то лекарства принес мне поесть: макаронный суп! Я с удовольствием это все проглотил.., даже не «глотаю» (*смеется*). Так он за мной начал ухаживать. Владик, называл он меня. Говорил со мной на своем языке, и немного на русском, бо там же наши пленные раньше работали. Он мне говорил: «Цам мусим сделать что б ты жив був». Он мне всегда приносил в этой посудинке еду - макароны, кусочек хлеба, а то другой раз и масла кусочек какого-то. Подкармливал. И стал показывать уже мне фрезерный станок. А рядом был маленький станок – «Арно Кребс».. помню. «Арно Кребс» он назывался. Я думал: надо ж научиться, может, живым буду, вернусь и дома буду работать. Постепенно я освоил этот станок и даже уже стал шестеренки на нем нарезать. все изучил, когда ... сразу тут и конец войны.

Налетели американские самолеты. Директор завода фашист был, сразу смылся. Бухгалтером была тоже немка. Вот это были такие руководители завода, а то – мастера разных национальностей: и немцы, и голландцы, и бельгийцы, и австриец. Он же был и по цехам, и в мастерскую заходил, требовал что-то делать. Они сразу все убежали. Мы что хотели, то брали. А зачем оно нужно? И мы в лагерь приходим, а эти полицаи убежали тоже, кроме двоих. Два осталось. Остался старший. Руденко – полицай нашего барака, или не Руденко? Забыл... тоже убежал. Остался старший, он жену себе заимел.

Наши хлопцы, которые еще при немцах убежали и прятались в подземках завода, вооружились и угрожали полицаям, даже делали нападение на них. Начальник лагеря притих. Не стал издеваться. Ему сказали: будешь издеваться – уберем. Приезжала полиция, гестапо, не могли их найти. А там, в подземках завода, была очень высокая концентрация газов. Собака овчарка не могла там ходить, а они ходили. Вот, какие хлопцы были! С Ивота были... забыл.. (*пытается вспомнить фамилии или имена, но не может*). Вы знаете, вам в селе скажут, на Ивоте скажут их имена. Из другого села был молодой парень... (*снова пытается вспомнить имена*). Они даже спорили там между собой, один говорил, что

убивать надо фашистов всех, а главный говорил, нет, судить их надо потом, после войны. (Не может никак вспомнить имена этих парней). Это надо выяснить.. Но, они уже умерли все.. О, если б я знал, я хотя бы записал эти имена раньше. Но, в селах о них знают.. В Ображеевци.

Как мы жили в бараках?

Значит, жизнь была такая: барак – Штюбе (*Stube*) называлась. Полностью забита двухэтажными деревянными нарами-кроватями, которые шатались. На этих нарах помещалось 18 чи 20 человек, не помню точно. Что было в бараке: стол и чайник для воды. Больше ничего не было. Лагерный полицай проходил по этим комнатам-баракам каждый час, проверял все ли в порядке. Если кто-то что-то не так делает, он сразу наказывает - бьет палкой, нагайкой, железным прутом..чем попало. Зубченко был у нас начальник, лагерный полицай. А Несвитайло был главный полицай. При освобождении, его наши, когда пришли с завода, сразу жинку оттянули в сторону, а его убили выстрелом. А один полицай – гад, маленького роста, вредный такой, он не сбежал, и люди сами его затоптали. Больше никого не было, все сбежали.

Спали мы мало. Ночью ходят, свистят, полицайи подопьют и ходят под окнами свистят, всю ругаются по коридору, а постройки же деревянные... Не давали спать. А то, заходили и лупили кого-нибудь. Недовольные. Мне часто тоже доставалось. Потом утром рано подъем, выгоняют с лагеря на построение, и на завод пешаком. Приходим на завод, сразу за работу. Работали полностью весь день, а когда надо было, так еще оставляли, по желанию начальства завода. Фирма называлась на немецком «Ейбиа».

Они выпускали порох. Порох был длиной 0,5 метра, «макароны» для зенитных орудий. Людей постоянно подгоняли, чтоб работали. Ходят и подгоняют, чтоб выполняли. Там были и женщины, они резали порох. С Ивота, со всех сел были. Рядом был целый лагерь женский, который разделял от нашего лагеря маленький заборчик. Работали и 8, и 10, и 12 часов, где кому как попадало. Принуждали работать, не выполняешь – бьют. Били чем попало, что у них в руках, тем и бьют: по голове, по плечам, по рукам, по заднице, по ногам.. по чем попало. По всему телу чувствовали побои.

Ну, что я вам скажу, люди старались не работать. Всеми видами термошили. вредили как могли, и даже в готовый порох старались незаметно всыпать жменьку песка. Не хотели работать. А надзиратели ходят, и заставляют. Где-как получалось... Работа у них была сильно принудительная. Потому, что знали для кого делаем. Я лично вел все время разъяснительную работу, и женщинам в том числе. Главное заключалось в том, что работать не надо, любыми путями и любой ценой. Некоторые умудрялись даже в ящик с готовым

порохом насыпать чего-нибудь, когда его забивали. А потом наши надзиратели получали сообщения из упаковочного цеха.... И нас избивали сильно, каждого, кому сколько попадет. Страшное дело было, не дай бог! Наши ребята часто совершали побеги. Их ловили, некоторых убивали. Не вернулись с лагеря... Некоторых убивали... А другие попадали в село, тоже на каторжный труд: землю копать, сеять.. А у них земля – булыжники, кирпичные шарики природные. Тяжелая работа. Работали.

Умирали? Да, почти каждый день. Не умирали, так в изолятор попадали.

А хоронили их где? Я не знаю, шо с ними делали. Мы не знали, и не видели никогда. Мне кажется, их просто где-то сжигали. Не дай Бог такое! Приезжали ко мне оттуда представители немецкие, месяца два назад или три назад. Они мне рассказывали такое, что я даже и не помню. А они все знают. Немцы все знают, как они обращались с нами... Хуже, чем с пленными. Не дай Бог, что бы это повторилось! Потому, что самое главное для человека – это жизнь. А жизни, как таковой, у нас там не было. Полностью не было. Выживали... Страшно было попасть в эти «каторжные» бараки, и умирать. 42:33. Некоторые даже старались, чтоб быстрее покончить с собой. Да. Зачем же так жить, если ты не живешь. Вода даже не всегда была. Вода была – возле столовой стоял бачок, в нем вода стояла по неделе – две. А она же портится. Я пил воду только тогда, когда наливали, чтоб свежее была. А немцы видят что налито, и не наливают. А человеку ж надо пить, пить же хочется. Вот он идет и пьет что есть, кривится.. а потом и умирает. Хотя, в основном умирали от голода и от побоев, от издевательств. И ни какой радости у нас не было, когда в Германию приехали! Когда ехали, думали может по дороге освободят нас. Мне мать говорила: «Партизанщина. В Белоруссии вас освободят». Я так и надеялся... А то бы «дудки».. я бы по дороге где-то сбежал, выпрыгнул бы из вагона через окошко.

Как освободили? Освободили нас в заводе, английские войска. Все разбежались. Мы когда в лагерь пришли, уже никого не было из полицаев. Было собрание узников. Прибыли английские представители и наши военные представители приехали. Собрали нас, и сказали: «Вы должны остаться живыми. Вы должны вернуться на родину. Вы нужны еще стране. Мы знаем, что вы были тут на настоящей «зверской» каторге. Объявили, что приглашают добровольцев на фронт.

И я, еле ходил, еле живой, решил идти на фронт. Пришел к машине, а залезть в нее не могу. Подходит наш военный, в погонах. Я смотрю на его погоны, а он мне: «Что засмотрелся?» Я ему: «На погоны смотрю. Мой отец был лейтенант». Он: «Куда ты лезешь?» А ребята говорят ему: «Он у нас был главным агитатором против немцев, что б люди на них

не работали». А? Он союзнику об этом сказал, так они вдвоем меня «шурнули» в кузов машины, я и полетел.

Привезли нас в город Вагенфельд, в бывший немецкий детский лагерь. Там были маленькие бараки, замаскированные под листьями деревьев. Это было 4 апреля, еще шла война. И наш представитель сказал: «Вы в таком состоянии не сможете воевать. Мы вас тут подержим недельки две, подкормим. А там будет видно». И нам начали давать американские макароны, консервы в таких больших банках, сало, мясо.. У них уже свое консервированное было. Навезли нам всего... И наш командир, Алексей Гребельник, сказал нам: «Ребята, кушать только по чуть-чуть, а иначе погибнете. Желудки постепенно должны привыкнуть». И он сам нам накладывал еды по чуть-чуть в миску или кружку, что у кого было. И хлеба давал нам. Так нас там подержали неделю, и мы окрепли. Молодые организмы быстро поправляются. А потом приехали ихние представители командования, на машинах, на мотоциклах (Харлеи и т.д.). Машин было полно! Америка. И они нас давай учить ездить. А я уже знал немного автомобиль, и тоже стал хлопцев учить тому, что сам знал.

И что вы думаете, я когда-то рассказал об этом на работе (уже после войны), и наш главный бухгалтер Сумцов, описывая мою жизнь и мой труд в газете (я вам дам почитать эти газеты) писал, что я там не воевал, а машинами руководил. Мы воевали и ездили на этих машинах!

Подучились мы, и начали ездить, и выполнять задания. Наши узники – они ж были в каждом селе – сообщали нам, где находятся , всякие «шишки». В таком-то селе или маленьком городке (например, Оснабрюк или другие) держится немецкая вооруженная власть. Надо было нагрянуть и разогнать. Остарбайтеры там руководили, оружие у них было.

Мы туда ехали и окружали указанный населенный пункт. Нас было больше батальона народу, около 150 человек. А они, гады, фауст-патронами воевали, взрывными. Я по-немецки говорю: «Нихт шисен! алес комен нахаус, крик генух, Гитлер капут, автомат вег, фауст-патрон вег!». И сидим ждем. Они молчат. Потом наши очередь дают тррр - автоматом. Они ж нам дали оружие, союзники. Немецкое. А обмундирование не хотели давать. Мы ж хотели быть одеты, как они, среди них быть.. Что ж, мы оденем что попало, а потом их же снайпера будут нас убирать? Очередь дали, предупредили.. Выходят они... Смотрим, а там между ними драка. После драки кто-нибудь из них выходит и говорит на немецком: «Генух, алес генух, гут». Мы подходим, окружаем их. Отбираем оружие, и они, без оружия, уходят группами, в села свои, кто куда.

А тех, кто сопротивлялся, арестовывали и передавали английскому командованию. И так мы освободили много населенных пунктов: села и даже маленькие города. Мы

предупреждали, докладывали союзникам, и вместе с ними разрушали их «хозяйство». До 15 июня мы очистили Германию. Война окончилась 9 мая, а мы до 15 июня очищали Германию от фашистских остатков. У меня справка есть, могу показать.

После 15 июня приезжает самый главный. Форма как у всех, сильно не отличалась, только значки тут.. вместо погонов у них артиллерийский значок – крестик металлический. Переводчик с ними, обычно или чех или поляк. И говорят нам: «Сейчас мы вам дадим справки о том, что вы находились на фронте. И нам, по списку зачитывают, вызывают и вручают эту справку. И на ней печать американская (говорит на английском): Действующая американская армия. Я это хорошо помню, и у меня есть эта справка. После вручения этих справок, нас сажают на машину и везут в город Бранденбург в специальный лагерь для восточных рабочих. Там нас сдали в лагерь, покивали, поприветствовали нас на прощание на английский манер, и машины уехали.

Из наших военных был только кто-то из переводчиков. А армейцев не было. Они знали, конечно, о нашем прибытии, но видимо не хотели с нами разговаривать. А там уже на месте наше командование прочитало справки наши, и меня направили в танковую армию на службу, так как я должен был еще два года служить. Тогда же служили в армии пять лет. Два года я был узником, и один год мне засчитали по американской справке (*прослезился*). Я же не виноват, что так получилось, что наши сдали немцам свой народ.

В пятой танковой армии я пробыл немного, наверно месяцев два. И перевозят ее в Брест, переселяют из Германии наши армии. Вся пятая армия переселилась в Брест. Вызывают меня в штаб и говорят: «Хочешь – служи, не хочешь – отправим тебя в стройбат восстанавливать города». Ну, а я сказал, что я был фрезеровщиком в немецком лагере, и токарем могу работать. Тут прислали представителя армии и забрали меня как специалиста. И я попал в ПРБ 5-й танковой армии ВЧ 11987 – ремонтная часть автомобилей. Сначала слесарем был, потом фрезеровщиком, потом стал мастером, потом старшим мастером базы, присвоили мне звание старшины, награды есть даже. Я ж уже специалист был. Вот и хвастаться приходится. Жена все может подтвердить, она все знает.

Когда вернулся домой?

Я приехал домой, когда мне дали отпуск в армии, примерно через месяц после Дня Победы. (*Не совпадает с ранее сказанным: До 15 июня мы очистили Германию от фашистских остатков*). После окончания срока службы меня попросили остаться на сверхсрочную службу. И как специалиста, оставили меня на сверхсрочную. От рядового я прошел путь: сержанта, старшего сержанта, старшины. Старшину мне уже присвоили в гвардейском дивизионе, куда перевели по состоянию здоровья. У меня же была перебита

спина, и я страдал. А еще было ранение в голову, пострадали уши. По этой причине я стал уже инвалидом армии. С левого уха у меня шла кровь. Я в отпуске поехал в Киев и врач мне сказал, что операцию делать не надо, только вовремя очищать от крови. Потом мне стало хуже, и в 1954 году меня комиссовали из армии и определили инвалидом войны 3-й группы, а теперь я уже инвалид 1-й группы. Оба уха оперированы. Практически не слышу.

Как я жил до войны?

До войны жизнь была нормальная. Учились, отец работал на фабрике, на пленке, в гараже зав. транспортом. Мать была домохозяйкой. Два брата у меня было. Одного брата Петра тоже в Германию забрали, и при побеге его там убили. А его друг, который бежал с ним, остался жив. Его загнали до хозяина работать, Кикоть Алексей. Вот недавно умер.

У меня две операции на голове было, связано с ушами. Поэтому, когда я сильно думаю, голова потом болит. Спасибо, что вы пришли. Я много хотел бы еще рассказать.. Другой раз вспоминается.... Спасибо вам. Передайте привет всем тем, кто интересуется этим.

- Валентина Евгеньевна, устал он уже? Ага.

Я хочу рассказать, что благодаря вам и вашим коллегам, которые интересуются этими вопросами прошлого, что это очень полезно для молодежи, надо, что б они знали, что такое война, что такое война.. (слезы на глазах) и чем она пахнет, как ее избежать. Надо, чтоб об этом рассказывали постоянно. Некоторые говорят: «Что старое вспоминать». Прошлое надо помнить всегда! Всегда надо помнить, потому, что без воспоминания нет жизни впереди! Будет захолустье, беспредел, будет грабительство, будет мошенничество и убийство.

Я отношусь к тем людям, кто ведет добросовестную мирную жизнь. Молодые люди теперешнего поколения должны знать и помнить, что их предки вели нечестную войну. И не одну войну они первыми начинали. Немцы начинали несколько войн за всю историю. Из-за чего? Из-за того, что хотели главенства, роскоши. У них роскошь была, есть и будет. Они, по сравнению с нами, жили хорошо. У них тогда автоматизация была, в селах были трактора у каждого хозяина. Они жили хорошо. Зачем им нужна была война? Ни в коем случае войны не должно быть! Все должны быть честными, справедливыми, добросовестными, как положено быть человеку. На протяжении всей жизни человеку полезно трудиться, трудиться, трудиться, и честно жить, на благо своих детей, внуков и правнуков.